

АКЦЕНТЫ

DIARY

Голос из прошлого

СВЕТЛАНА ФЕДОТОВА

Если приходится выбирать между неправдой и грубостью, выбери грубость; но если приходится выбирать между неправдой и жестокостью, выбери неправду

Мария Эбнер-Эшенбах

Дорогой дневник, иногда на редакционную почту приходят письма, с которыми не знаешь, что делать: и в корзину не выбросишь, и публиковать нельзя (по разным причинам). Вот и это письмо с заголовком «Голос из прошлого» долго лежало в закромах редакции. Оно начинается с обширного пассажа про совесть, а заканчивается фразой: «Если меня не станет в живых (по любой причине!), то это будет равносильно явке с повинной М. Это будет его рук дело, его заказ».

М — личность известная в узких кругах. Нам он сегодня интересен в контексте банкротства Экопромбанка. Есть официальная причина этого процесса, а есть та, которая озвучивается всё в тех же узких кругах — якобы М. и другие акционеры ещё год назад вывели свои активы из этого банка, и его крах был лишь вопросом времени.

Лет через 20 очередной «голос из прошлого» расскажет, как было на самом деле, а пока читаем письмо — очень любопытный документ, характеризующий то время безотносительно привязок к личностям.

«То, что М. не будет жить так, как жили его родители (бедно, скудно, не интересно), он решил ещё в Свердловске, будучи студентом вуза. Денег катастрофически не хватало, а главное — с друзьями занялся... спортом».

Свердловск, зима, вечер. Темно, холодно. Тренировка закончилась, но хочется ещё адреналина. И кушать. И денег бы не мешало. Стали сбивать одиноких прохожих с ног (мужчин, женщин, старых, молодых — всё равно), срывать с них дорогие, а главное — дефицитные, меховые (не кроличьи!) шапки и убегать.

Товар продавали в студенческом общежитии, иногда на рынке. Понравилось, дело пошло. Появились первые деньги и «нужные» знакомства — новые друзья из «уралмашевских», которые потом, в последующие годы, много раз выручали и помогали в установлении единовластного «царствования» М. в Березниках. Он платил тем же. Часто ездил потом в Свердловск «в командировки» для участия в местных разборках.

Впоследствии в Березниках стали появляться, как грибы после дождя, новые, но менее сильные, слабее организованные и не столь масштабные ОПГ, которые так или иначе попадали под влияние М. либо Б. Всё зависело от того, был её лидером «интеллектуальный спортсмен» или бывший зек, урка с воровскими связями и «понятиями». Часто случалось так, что в результате неудачно проведённых «боевых операций» зэки возвращались туда, откуда недавно пришли, а бывшие «спортсмены» познавали новую для них жизнь в лагерях, правда, не в спортивных и даже не в пионерских. Нередко погибали.

Главным образом «костлявая» была немилосердна к лидерам ОПГ. Почти каждый день в «Березниковском рабочем» рубрика «Милицейская хроника» пестрила сводками: «Сегодня утром при выходе из своей квартиры в подъезде

дома... на улице... был расстрелян в упор местный предприниматель...»

Никто их почему-то упорно не хотел называть теми, кем они были на самом деле. Например, лидер или активный член ОПГ.

1994 год, разгул приватизации и преступности, кровь льётся рекой. Березниковские коммунальщики не успевают расширять и благоустраивать территорию городского кладбища — что ни день, то слышен похоронный марш. В январе 1995 года буквально сразу по возвращении из ОАЭ была убита жена М. Ходили слухи, что он избавился от неё с помощью своего телохранителя сам: одним выстрелом — двух «зайцев».

Обычно лидеры ОПГ выбирали жён (подруг, спутниц) под стать себе и вовсе не для философского общения. Но М. женился задолго до того, как стал бандитом, будучи ещё добропорядочным гражданином и намереваясь вести нормальную жизнь. Поэтому и его Лиля на Мурку никак не подходила, а её сопротивление, несогласие, неприятие образа жизни «боевой подруги» постоянно усиливалось. Непокорность судьбе жены бандита, постоянные ссоры, угрозы разводом напрягали М. Это видели все, кто близко с ними общался и бывал в их компании. Отпустить её он, естественно, не мог: слишком много она знала.

Второй факт, подтверждающий подозрение: накануне М. опять уехал из города, оставив почему-то своего телохранителя в Березниках. (М. всегда исчезал из города, если готовилась какая-то акция по его сценарию, чтобы отвести от себя подозрения). Телохранитель у него был конченным ублюдком с характером и мозгами бультерьера: руки всегда держал в карманах, пальцы — на курках пистолетов. При малейшей, как ему казалось, угрозе стрелял без раздумья и предупреждения по всему, что двигалось. Со временем пёс стал практически неуправляем и опасен для самого хозяина.

Он действительно вёл себя, как пёс: просил М. разрешения жить у него, чтобы верно охранять хозяина днём и ночью. Готов был спать на коврике у входных дверей. Это уже пахло шизофренией, и М., возможно, решил избавиться от него, а заодно и от строптивой, непокорной жены, которая не хотела, чтобы и сын, глядя на отца, вырос бандитом. М. сказал этому ублюдку, что он бы и не против того, чтобы тот у них жил, но вот «Лилия этого не хочет»...

Когда М. в очередной раз уехал из города, эта тварь с помутившимся от пролитой им крови и ненависти к жене «хозяина» разумом постучала в дверь их квартиры, сказав Лиле, что что-то привёз по поручению «шефа», и попросил открыть дверь. Лилия, открыв двери, повернулась к нему спиной, повела его на кухню. Он начал стрелять ей в спину сразу, произнося в её адрес ругательства и проклятия. Она попыталась убежать, но бежать было некуда. Упала, поползла, истекая кровью, поползла до кухни... Четвёртым выстрелом из ТТ он там её и добил. Их восьмилетний сын был в это время в соседней комнате, всё слышал, узнал знакомый голос, а потом и увидел в чуть приоткрытую дверь...

М. сообщили о случившемся, и он немедленно в тот же вечер (убийство произошло утром) вернулся из «командировки». Первый раз я видел, как он плакал.

Собрались все его самые близкие друзья и «соратники». Разрабатывался план поиска и поимки зверя. Совершенно случайно я услышал разговор М. и ??? (одного из тогдашних руководителей местной милиции — ред.) на кухне. Они были там вдвоём, разговаривали вполголоса, почти шёпотом.

М.: «Палыч, если твои его найдут быстрее, чем мои, дай мне знать, а своих попридержи. Я хочу кончить эту тварь сам».

Тот: «Не делай этого, оставь это нам, моим людям. Тебе не надо марать руки об эту мразь. Помни, у тебя сын».

М.: «Я должен это сделать, он — мой. Отдай его мне, не мешай».

Тут кто-то из женщин вошёл на кухню, и разговор прекратился. Поиски оказались успешными, вот только не знаю точно, чьи. Скрывался убийца на квартире у сотрудника милиции (иначе и быть не могло!).

Рассказывают, что выбили двери и ворвались в квартиру на пятом эта-

же рано утром, когда и «гость», и хозяин крепко спали; что якобы М. лично выстрелил своему верному псу в голову из пистолета, из которого тот застрелил Лилию, а затем стёр с него свои отпечатки. Потом заставили сержанта, хозяина квартиры, открыть окно, выбросить «дохлую собаку» вместе с пистолетом на улицу и позвонить в милицию. Когда на место происшествия приехала группа захвата, сержант «чистосердечно» рассказал, что с убийцей был ранее знаком; что когда-то вместе выпивали; что тот к нему пришёл и попросился пару дней пожить и был «очень убедителен», держа в руках пистолет; что, мол, он не смог ему отказать.

Дальше — интереснее. Ночью он якобы проснулся от непонятного шума и холода: «гость», стоя на подоконнике у открытого окна, выстрелил себе в голову и вместе с пистолетом выпал на улицу — видимо, сдали нервы (или «замучила» совесть)...

Сержанта, конечно, посадили. Убийцу-«самоубийцу» похоронили. Дело закрыли.

Прошли годы. Пришли и к М. с Н.: дескать, не хотите ли акции «Азота» продать? Мол, 10 лет народным добром на халяву попользовались, и хватит, пора и честь знать! Ну, те, как обычно: что за дела, что за «базар»? Ну, а людишки возьми да сунь им в нос две папочки пухленькие, где все их подвиги, весь их «героический путь» по выполнению государственной директивы о приватизации в Березниках подробненько так описан: как «убеждали» Петруняка (Михаил Петруняк — бывший генеральный директор ОАО «Азот» — ред.) в приватизации «Азота» не участвовать; как пригрозили, что посадят сына его непутёвого на иглу, а жену наркоманы изнасилуют, а что он для себя хочет, пусть, мол, сам скажет, что они уж расстараятся и всё исполнят: хоть пристрелят, хоть в асфальт закатают, хоть в бочку с кислотой — для хорошего человека ничего не жалко. А если «поймёт» ситуацию, то оставят они его на заводе и даже должность дадут, будет как сыр в масле. И ведь уговорили!

По такому же сценарию приватизировали «Соду», Березниковский титано-магнийский комбинат, «Уралкалий». Не М., конечно, другие, но тоже — не народ. Почесали друзья репы свои коротко стриженные, поседевшие уже, да и согласились».

Что здесь правда? Что вымысел? Но, если посмотреть на эту картинку из прошлого, настоящее начинает выглядеть не таким безрадостным. Девяностые мы пережили, дорогой дневник. Нулевые — тоже. И это время переживём. ■